

ВЪ ЛУЙСКОМЪ УБЪДѢ.

(Вступленіе къ роману—«Наслѣдники»).

I.

Луискій уѣздъ былъ обязанъ расцвѣтомъ Прохору Никоничу Балдягину. По крайней мѣрѣ, совѣтшкъ губернскаго правленія Боскодумовъ, пытавшійся въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ доказать, что Балдягинъ въ дѣлѣ расцвѣта занимаетъ лишь второстепенное мѣсто, а первое принадлежитъ попеченію послѣднихъ четырехъ губернаторовъ,—спасоваль: точными выкладками доказалъ приглашенный на юбилей балдягинской фирмы приватъ-доцентъ Обѣруковъ, что уѣздъ пропизанъ балдягинской созидающей силой, какъ тѣло кровью. Способный приватъ-доцентъ изобразилъ это въ огромныхъ таблицахъ на стѣнахъ кабинета Балдягина, и все воочію убѣдились, что отъ правды не отмахнешься. Недаромъ получилъ Обѣруковъ пять тысячъ за эту правду.

Балдягинскія фабрики и лѣса, балдягинская желѣзная дорога во весь уѣздъ, балдягинскія усадьбы... И еще многое-многое.

Тамъ и сямъ, по проселкамъ, стояли столбы съ указующими перстами и говорили: «дорога въ Зеленый Дворъ, хуторъ Балдягина!» «Поворотъ на копскихъ заводъ—Балдягину!» «Заповѣдная дача—Дочерино!» ... И еще многое-многое.

Новый губернаторъ, неколесившій уѣздъ по проселкамъ,—онъ хотѣлъ зпать губернію досконально и потому колесилъ по проселкамъ,—досыта наглядѣвшись на столбы съ указующими перстами, раздраженно сказалъ непремѣнному члену.

— Какое-то... обалдѣніе!..

Острое словцо губернатора въ тотъ же день докатилось до Луиска съ нарочнымъ конторщикомъ, который загналъ пару балдягинскихъ жеребцовъ (приказано было сообщать все, что будетъ говорить губернаторъ), чтобы доложить Прохору Никоничу пріятное.

И случилось такъ, что словцо себя оправдало. Показавъ губернатору фабрики и поразивъ бумажными «штуками», что все въ кабинетахъ,—профессоръ-чудакъ одппъ пзобрѣлъ!—Прохоръ Никоничъ устронлъ такой хлѣбо-

сольный приемъ, что наступило какъ бы общее обалдѣнiе. Непремѣнный членъ по ѣхалъ на балдягинскихъ рысакахъ въ состоянii полнаго опѣмѣнiя, чиновникъ для порученiй путалъ лица и называлъ Прохора Никоныча вапимъ превосходительствомъ, а самъ губернаторъ всю дорогу твердилъ широкой спиной балдягинскаго личнаго кучера.

— Да, я все-о пони-маю... все!

Былъ слухъ, будто предпринимались шаги,—нельзя ли переименовать уѣздъ, приводились всякiя справки, назывались очень крупныя суммы, даже были тронуты силы науки, но губернаторъ твердо сказалъ новѣренному Балдягина, Кнопкину:

— Не въ нашей власти передѣлать исторiю. Мы можемъ дѣлать, но передѣлывать...

И съ милой улыбкой добавилъ:

— Да и зачѣмъ? Уѣздъ все равно—балдягинскiй, хоть и безъ прописной буквы. А замѣнить благороднаго льва въ гербу прозаической кипой хлопка..!

И опять докатилось, куда было приказано, какъ сумѣлъ постоять за честь довѣрителя умиѣйшая голова Володичка Кнопкинъ. Онъ, будто бы, сказалъ губернатору:

— Гдѣ же, ваше превосходительство, бывше благородные львы? Первое мѣсто заняли кипы хлопка!

На что губернаторъ сказалъ находчиво:

— У меня... на гербахъ!

Это была его послѣдняя фраза, сказанная такъ храбро. Его свалили козны враговъ. Въ Луйскѣ же говорили съ гордостью.

— Нашъ-то... второго ужъ!

— Ну, какъ второго?

— А Копыткина-то! Да по замотинскому-то дѣлу?!

И начинали вспоминать и перетряхивать знаменитое дѣло, которое войдетъ въ исторiю. Въ этомъ дѣлѣ были и подлоги, и увѣчья, и каторга, и гибель благородныхъ Замотинныхъ, и торжество Прохора Никоныча. Были здѣсь и хищенiя, и всякiя другiя злоупотребленiя, и доброе участiе губернатора, искавшаго правду, и груды вѣрныхъ и невѣрныхъ бумагъ, и надруганiе надъ женскою честью. И деньги—много денегъ, неизвѣстно куда запропавшихъ. Это было дѣло, приковавшее вниманiе многихъ губернiй; это было единоборство Балдягина съ одной стороны и мѣстныхъ властей—съ другой. Это было дѣло, стоившее Балдягину милiона и давшее ему пять милiоновъ и торжество. Но исторiя этого дѣла могла бы составить романъ въ десятокъ томовъ, судя по тому, что въ архивахъ многихъ казенныхъ мѣстъ завелись особые, «замотинскiе», уголки. Да и трудно касаться этого жуткаго дѣла. И опасно касаться. Еще живъ Балдягинъ, и далеко прошли корни его, перекинулись за предѣлы губернии и даютъ отпрыски. Съ каждымъ днемъ больше и больше мчится по асфальтовымъ мостовымъ шумящихъ и чадныхъ автомобилей, незримыми путями связанныхъ съ Луйскимъ уѣздомъ, подолгу останавливающихся у громкихъ подъѣздовъ. И не настала еще пора безстрашно изобразить всю правду. Ибо самое даже слово—правда все еще мирно покоится въ словаряхъ и не выглядываетъ на свѣтъ Божiй. А въ Луйскѣ....

Всеѣмъ извѣстенъ горькiй опытъ казначейскаго чиновника Ягодкина, недѣли метавшагося по городку и отыскивавшаго все какую-то свою правду,

которая то представлялась ему въ видѣ жены-красавицы, куда-то пропавшей въ одинъ изъ ненастныхъ октябрьскихъ вечеровъ, то въ видѣ потеряннаго мѣста, кѣмъ-то изъ-подъ него вырваннаго, то въ видѣ оплеухи, данной имъ казначею, или плевковъ «въ хари балдягинскихъ лакеевъ», зажимающихъ ротъ голосу истины. Долгіе дни и ночи метался Ягодкинъ, по улицамъ и тупичкамъ, округъ каменныхъ корпусовъ, охватившихъ и зацементированныхъ городокъ, долгіе дни и ночи грозилъ и плакалъ и, наконецъ, взялъ былъ съ полчинымъ, съ перочиннымъ ножомъ въ карманѣ, и водворенъ въ полицейское управленіе. А потомъ полетѣли телеграммы и бумаги, открылся таинственный заговоръ, выплыла для всѣхъ очевидная неблагонадежность, и ловко притворявшися некателемъ какой-то поправленной правды, Ягодкинъ, былъ водворенъ въ губернію, въ солидное зданіе, и пресѣкъ мятежную жизнь свою непредусмотрительно оставленнымъ во второмъ карманѣ казеннымъ перочиннымъ ножомъ. Такъ и не могъ узнать сумасбродъ, гдѣ пропадала его правда, и гдѣ проживала три мѣсяца его жена-красавица, послѣ смерти супруга уютно устроившаяся въ новомъ домикѣ за кисейными занавѣсками на пенсію въ десять рублей, аккуратно выплачиваемую нотаріусомъ Ракоглазовымъ по порученію неизвѣстнаго благодѣтеля,—на пенсію въ десять рублей, чего хватало съ избыткомъ при безумно-красивыхъ глазахъ вдовушки Ягодкиной и при любезномъ содѣйствіи молодыхъ посѣтителей съ Торговой и Казначейской. И не только безумно-красивые глаза и какія-то «безстыдныя губы, созданныя для грѣшныхъ ноцѣлуевъ», какъ говорилъ соборный протоіакопъ Неопалимовъ, помогали безбѣдно существовать вдовѣ, сколько многихъ манившее, заигрывающее сознаніе, что это не просто Ягодкина вдова, сколько—бывшая... того-съ... самого! И поглядывали на каменные громады съ трубами.

И только одинъ несуразный портной Балдягинъ въ пьяномъ видѣ зычно кричалъ въ Живодерномъ переулкѣ, противъ окошекъ вдовы, что она не его дочь собачья, не его, Василья Балдягина, портного, а того брюхатаго кожелупа любовница, родная племянница! Храбро кричалъ портной, что наказала его судьба, дала его фамилію честную кожелупу, чертп бѣ его задавили!

И начиналъ сыпать такимъ горохомъ, который даже и въ Луйскѣ почти-что вышелъ изъ обихода.

И если бѣ не этотъ храбрый портной, кончавшій праздничные часы за рѣшеткой, мало бы кто узналъ, что у потомственнаго почетнаго гражданина и мануфактуръ—совѣтника Прохора Никоныча Балдягина есть родной братъ, занимающійся честнымъ рукоесломъ и ни-когда!... никогда не протянувшій руки къ проклятому кожелупу за помощью. Ибо хоть и не разъ протягивалъ онъ руку, но не съ вытянутыми пальцами, а крѣпко собранными въ кулакъ, чтобы погрозить высоченнымъ каменнымъ трубамъ и укывшимся за тополями колоннамъ дома, бывшаго предводителя дворянства Замотина, нынѣ Балдягина.

Мало кто вѣрилъ портному. Правда, сочинялись исторіи, какъ портной вылетѣлъ однажды съ задняго крыльца балдягинскаго дворца, когда вздумалъ явиться и доказывать свою родословную, какъ самъ неправникъ вызывалъ портного и убѣждалъ оставить лишніе разговоры передъ окошками вдовы Ягодкиной, угрожая крѣпкими мѣрами, какъ въ ногожій сентябрьскій вечеръ къ кособокому домишку портного съ ревомъ подкатилъ огромный автомобиль съ сильно подвыпившимъ Никодимомъ Прохорычемъ, старшимъ сыномъ Балдя-

гина, и какъ Никодимъ Прохорыхъ (хорошо видѣли въ окно) удостоилъ выпить чайку за непокрытымъ столомъ, ѣлъ ситный хлѣбъ и одѣлялъ рублями сопливыхъ внучатъ портного, а самъ все трясъ портнову руку и горячо въ чемъ-то увѣрялъ, а портной качалъ головой и дѣлалъ рукой все такъ: пожалуйста, не подумайте, мы тоже на свѣтѣ существуемъ!

Было еще очень странное обстоятельство, связывавшее портного съ Балдягинымъ.

Прачка Василиса Кривая, у которой мужъ, поваръ, зарѣзалъ балдягискаго лакея, по секрету передавала пѣкоторымъ и всѣмъ попемпогу, что своими глазами видѣла, какъ въ тѣ будоражные дни, когда начиналась забастовка, портной выпустилъ изъ своихъ воротъ одного паренъка въ высокой бараньей шапкѣ но самые глаза, и божилась, что своими ушами слышала, какъ портной въ-украдку сказалъ:

— Дай Богъ на счастье, Степанъ Прохорычъ... берегись!

Ужъ не младшаго ли балдягискаго сына, племянника своего незнаемаго, пропащаго, нелюбимаго отцомъ, провожалъ несуразный портной? Съ того жуткаго дня (съ этого дня и начинается правильный ходъ романа) многіе видѣли въ городкѣ этого молодцеватаго паренъка, который съ папашенькой былъ на ножахъ и прожигалъ наѣдомъ въ квартирѣ врача земской больницы Всеволода Гіацинтова, очень подозрительнаго человѣка, отвергавшаго Бога и религію. Что хорошаго могъ получить молодой человѣкъ отъ этого Гіацинтова? Веѣ сосѣди могли отвѣтить: «не знаемъ, но и плохого отъ доктора не видали, а ихъ сестрица Нина Семеновна, удивительная красавица, конечно, не всегда вели себя доброкачественно» ...

— Что хорошаго?—вопросалъ соборный протопопъ Крестоцвѣтовъ.— Наружность всегда обманчива... Хотя и носятъ иные прозваніе отъ чистыхъ и ароматныхъ цвѣтовъ, по въ сердцѣ у нихъ пѣвка. Такъ и анчаръ,—съ виду зрачепъ и крѣнокъ силою жизни, въ нѣдрахъ же таитъ разрушеніе и смерть. А Пину Семеповиу, какъ веѣмъ извѣстно, я выгналъ изъ моего дома за пагубное вліяніе. И никому не порекомендую брать руководительницей дѣтей даже по французскому языку!

Не любилъ протопопъ доктора Гіацинтова, который когда-то подавалъ надежды итти въ академію и взять за себя старшую дочь протопопа Вассу съ хорошимъ мѣстомъ у Женъ Мурносницъ, а на дѣлѣ оказался пустымъ и гордомыслящимъ человѣнкомъ.

II.

Корпуса балдягинскихъ фабрикъ, съ десяткомъ тихо курящихся черноголовыхъ трубъ, полукольцомъ охватываютъ край городка, унирающійся въ лощину. Изъ этой лощины-оврага тянется разбитое ухабиетое шоссе, по которому съ ранняго утра до поздней ночи плывутъ и плывутъ подводы съ грязными кипами вытирающаго въ дырѣ хлопка—къ фабричнымъ сараямъ, и уплываютъ въ лощину, къ неблизкой станціи желѣзной дороги, другія подводы, укрытыя сѣрымъ брезентомъ: то ползетъ безконечная выработка—мѣткаль и ситець. Отъ постояннаго громаханья стоитъ надъ городкомъ томящій и скучный шорохъ желѣза и камня. На оклискомъ деревянномъ мосту черезъ Луйку вѣчно тор-

чать сбившіяся въ сѣрую груду подводы въ гомонѣ неуступчивыхъ возчиковъ. Здѣсь бьютъ кнутовищами и сапожищами подъ брюхо лошадей, выстегиваютъ испуганные глаза, рвутъ ноздри и ломаютъ оглобли. Потому всѣ въ городкѣ зовутъ этотъ дырявый осклизлый мостъ—Тѣснымъ.

По берегамъ радужной, въ черноту, Луйки, гдѣ, кажется, никогда не течетъ, а дремлетъ окрашенная вода, подернутая пыльнымъ жирнымъ налетомъ, съ выскакивающими и пропадающими пузырями невѣдомыхъ газовъ,—самое людное мѣсто Луйска. На городскомъ бережку, въ заросляхъ лопуха и крапивы, сидятъ и лежатъ цѣлыми днями, въ лѣтнее время, праздные люди, растерявшіе шапки и сапоги, копошится луйская рвань, вышибленная съ фабрикъ, отводящая душу въ прогулахъ. Бродятъ здѣсь, въ заросляхъ, жепскій визгъ и дикіе крики пропойной мастеровщины, топутъ вздохи упившихся. Здѣсь много стекла, окровавленныхъ тряпокъ и забытыхъ опорковъ. Здѣсь много вытоптанныхъ плѣшищъ, на которыхъ играютъ въ орлянку и ремешокъ и занимаются поножовщиной. Здѣсь сотни младенцевъ получили зачатіе, и ежегодно десятки малепькихъ труновъ находятъ случайные люди въ рогожныхъ кулечкахъ подъ бережками, съ перетянутыми шейками и ртами, забитыми тряпкой. Здѣсь вся почва пропитана отбросомъ. Зовутъ это мѣсто—Погаповымъ, а на полицейскомъ жаргонѣ за нимъ укрѣпилось едва ли удобопроизносимое прозвище—Задъ. Въ ночное время обыватель сюда не заглядываетъ. Только-только, въ попедѣльникъ на ооминой, подъ свѣженасыпанной кучей мусора помощникъ машиниста балдягинской фабрики Иванъ Семенычъ открылъ блѣдныя красивыя ноги уже мѣсяць пропавшей Нади-портнихи, и теперь въ городкѣ, по слухамъ, орудуетъ партія сыщиковъ изъ Москвы, выписанныхъ по настоянію Прохора Никонича, но пока ничего не дознавшихъ. Бѣгаетъ на потѣху фабричнымъ черная собачонка съ бѣлыми лапками, обнюхиваетъ заборы и ничего не находитъ.

Отступя отъ рѣки, на полверсты тянется бережкомъ сѣрый высокій заборъ, съ поломанными гвоздями. Подъ заборомъ лежатъ взѣрошенные фигуры, загордивъ собой тропку, часто ногами или головами въ гниющихъ лужахъ, играютъ въ холодкѣ въ карты, пьютъ водку; стаятся бродячія собаки. За заборомъ—балдягинское царство каменныхъ корпусовъ, сараевъ и складовъ, изрѣзанное путями громыхающихъ вагонетокъ, ревущее и стрекочущее, въ запахѣ нефти, хлора и красокъ. Тамъ, на двадцати десятинахъ, не растетъ ни одного деревца, и только упорно насаждаемая аллея изъ тополей, передъ окнами главной конторы, борется блѣдными листьями съ отравляющимъ хлоромъ.

По ночамъ на широкомъ просторѣ высятся голубыя солнца, и свѣтъ ихъ, холодный и ровный, дѣлаетъ каменныя громады еще болѣе мертвыми. Вѣетъ ото всего холодомъ и тоской. И всегда тихо-тихо курятся черноголовыя трубы.

Но если заглянуть на фабричное становище съ фасада, съ балдягинскаго проспекта, ровнаго, какъ стрѣла, хотя бы съ самаго дальняго края его, отъ базарно-соборной площади,—въ глаза ударитъ золотыми пузатыми буквами съ рѣшетчатой вывѣски надъ воротами: «Мануфактура П. П. Балдягина». Бьетъ въ глаза асфальтовый лакъ чугунныхъ воротъ, съ натугой отворяемыхъ крѣпкимъ, какъ коневья жила, татарникомъ, вѣрнымъ стражемъ. Это—«балдягинскія» ворота: ихъ отворяютъ только хозяину да самымъ почетнымъ лицамъ. Для прочихъ—буднія, въ сторонѣ; для груза—фабричныя, еще дальше. Двадцать тысячъ фабричныхъ входятъ и выходятъ калитками на цѣпяхъ, съ чугунными кресто-

внами: летомъ не пробѣжишь. До Прохора Никоныча добраться трудно: живетъ онъ въ двухъэтажномъ домѣ-особнякѣ, бокъ-о-бокъ съ главной конторой. Окна особняка глядятъ на проспектъ, къ собору, ясными вечерами горятъ нестерпимо отъ солнца. Сюда попадешь только черезъ балдягинскія ворота: огражденъ особнякъ и контора каменными стѣнами отъ корпусовъ, только и есть одинъ ходъ къ корпусамъ—чугунная узенькая калитка, открываемая тѣмъ же татаринномъ. А это такой человѣкъ, съ которымъ говорить трудно. Потачки не даетъ никому, даже директорамъ отдѣловъ. И потому посылтъ кличку—Собачье Шило. Его не любятъ, но все вѣрятъ въ его неподкупность. Все знаютъ, что Собачье Шило не боится самого Прохора Никоныча и наотрѣзъ отказался принять крещеніе. Передаютъ такой разговоръ:

— Крестись, свиное ухо, тыщу рублей получишь!

— Мало.

— Ахъ, Чортъ Иванычъ... а двѣ?!

— Мало.

— А три?!

— Все мало. Законъ не кунай, не продай.

Плюнулъ Прохоръ Никонычъ и подарилъ молтинникъ.

Поговариваютъ въ городкѣ, что татаринъ за двадцать лѣтъ службы знаетъ немало. Но ни слова не говоритъ скуластый Ассанъ, только улизтъ сонные глазки и чмокаетъ.

III.

У Прохора Никоныча есть еще домъ-дворецъ, родовой домъ Замотинныхъ, перешедшій къ нему съ цѣлымъ рядомъ имѣній. Домъ этотъ полоиъ остатковъ блестящаго прошлаго, былой замотинской славы. Въ немъ еще можно видѣтъ въ витринахъ ряды отличій поколѣній Замотинныхъ, жалованныхъ вещей и грамотъ, креслы въ чехлахъ, на которыхъ сидѣвали когда-то люди высокаго положенія, что-то такое сказали или выкушали чашечку кофе. Въ горкахъ и шифоньерахъ краснаго дерева съ золотомъ, съ чудесной тонкой мозаикой итальянскаго перламутра, и теперь еще ибно глядятся въ тихихъ краскахъ хрупкіи фарфоръ, зажелтѣвшіи въ граяхъ хрусталь, тускибютъ золотые разводы на чашечкахъ, глядятъ слѣзыными глазами блѣднощекія, шелковыя маркизы изъ севра, таятся по уголкамъ пожелтѣвшіе вѣра въ золотѣ, кости и перламутрѣ, съ незримыми слѣдами вздоховъ и ноцѣлуевъ, въ тонкомъ ароматѣ прошедшаго, котораго ни вернуть, ни поддѣлать никакимъ ухищреніямъ современности. Въ залахъ съ колоннами какъ-будто и сейчасъ все еще ходятъ неслышно внимательные лакеи въ чулкахъ, въ атласныхъ туфелькахъ съ пряжками, въ льняныхъ парикахъ, и до сихъ поръ еще сохранился въ дворецкой кисловатый запахъ дешевой пудры. Десятки сбившихся со счета курантовъ еще отбиваютъ печальное время, вышгрываютъ попрыгивающія мелодіи. Пузатые кресла въ золотѣ, на кривыхъ топкихъ ножкахъ, крытые штофнымъ шелкомъ, и овальныя зеркала въ пятнахъ, въ золоченыхъ медальонахъ и завитушкахъ, и мраморныя статуи на красныхъ, съ золотомъ, тумбочкахъ, и шестолетняя комната, и курильня, и угловая карточная, и круглая, биллиардная, и дамскій салонъ, и цѣлая амфилада покоевъ всякаго назначенія до длинныхъ лакейскихъ съ залавками, съ пятнами дремавшихъ головъ;

кривые ходы съ лѣсенками въ колонкахъ, потайные шкафы въ стѣнахъ, закоулки и тупики, теплыя старыя комнаты съ лежанками въ голубыхъ птицахъ, съ черными кивотами, съ тяжелыми образами и ароматомъ плѣсени и старья. И даже гербъ на фронтонѣ дома, подновленный синей и желтой краской.

Это—парадный домъ на широкую ногу, теперь съ электричествомъ въ дорогой арматурѣ (на двѣнадцать тысячъ ламповъ однихъ поставлено!—радостно говорятъ обыватели). Здѣсь Балдягинъ принимаетъ лицъ высокаго положенія отъ губернатора и кончая министрами, заѣзжавшими въ Луйскъ, когда ихъ воля того хотѣла. Обычно же проживаетъ въ домѣ при фабрикахъ. Тамъ—дубъ и чугуиъ, мѣдь и сумракъ даже въ яркіе вѣшніе дни. Тамъ солидно и холодно. Не дрожитъ, за что ни возмнись. Не разбѣгается глазъ, не слышитъ ухо мягкихъ и легкихъ звуковъ. Здѣсь можно покойно разбираться въ планахъ и начинаніяхъ.

А отдыхать... Для отдыха было много всякихъ другихъ мѣстъ—для отдыха и развлеченія. Можно было поѣхать въ Зеленый Дворъ, гдѣ... Но мало кто зналъ, что было для развлеченій въ Зеленомъ Дворѣ. Ходили слухи, говорили о какихъ-то таинственныхъ, полныхъ и бги ночахъ въ Зеленомъ Дворѣ, объ оргіяхъ въ мавританскомъ дворцѣ, о каретахъ съ опущенными занавѣсками, пробиравшихся въ почные часы по недавно проложенному шоссе, о восточныхъ баняхъ, будто бы построенныхъ въ самое послѣднее время, о зеркальныхъ стѣнахъ и потолкахъ... но никто не могъ сообщить что-нибудь достовѣрное. Знали только, что живетъ въ Зеленомъ Дворѣ старыи Кузьма, бывшій кучеръ, да двѣ старухи. Пріѣзжавшіе съ каретами кучера немедленно отъѣзжали на конскій дворъ, вереть за пять, и возвращались по вызову въ телефонъ, обыкновенно, дня черезъ три. Отъ нихъ-то и было извѣстно, что въ кареты на станціи садились дѣвицы и дамы, очень роскошно одѣтыя, и везли съ собой большія коробки. Очевидно, у Прохора Никоныча былъ, просто-на-просто, легучій гаремъ. Да и кому же какое дѣло до того, какъ проводитъ свободное время Прохоръ Никонычъ, первый человѣкъ Луйска? Проводилъ онъ время въ собственномъ помѣщеніи, ровно никого не беспокоилъ, никто на него не жаловался. А дѣлать фальшивыя бумажки или совершать уголовщину надобности никакой не было.

Говорятъ, что одинъ изъ недолго побывшихъ на своемъ посту губернаторовъ въ откровенной бесѣдѣ за тонкими винами намекнулъ Прохору Никонычу, не покажетъ ли онъ какихъ «особенныхъ и таинственныхъ рѣдкостей», которыя яко бы сохраняются у него въ одной изъ усадебъ; но Прохоръ Никонычъ не смутился и съ готовностью предложилъ показать мавританскій домикъ и даже попарить губернатора въ банькѣ. И странная у людей психологія: послѣ такой готовности у губернатора пропалъ интересъ. Однако ходили слухи, что губернаторъ однажды, когда Прохоръ Никонычъ отдыхалъ въ Зеленомъ Дворѣ, заблудившись, будто бы, на охотѣ, подѣхалъ верхомъ къ основному воротамъ усадьбы (исправникъ и трое урядниковъ хоронились въ лѣсу) и попросился. И опять ничего не нашелъ, только хорошо вымылъ его старыи Кузьма въ турецкой душистой банькѣ, да Прохоръ Никонычъ угостилъ холодной телятиной безъ вина: въ Зеленомъ Дворѣ горячаго не варили и винаго погреба не держали.

Былъ еще слухъ, что Прохора Никоныча прижалъ самый тотъ губернаторъ къ стѣнѣ, намекнувъ деликатно, что поговариваютъ о т а к и хъ наклонностяхъ Прохора Никоныча, насчетъ женскаго пола, и даже потрепалъ его по плечу. Но и тутъ ничего не вышло. Прохоръ Никонычъ, будто бы, въ упоръ глядя

на искусителя, сказалъ на ушко такое, что тотъ замахалъ руками и поперхнулся. Вскорѣ послѣ сего онъ оставилъ губернію.

Но въ Луйскѣ ходила такая уйма великихъ отвратительныхъ слуховъ о всякомъ мало-мальски отмѣченномъ печатью судьбы человѣкѣ, что если бы дать всему вѣру, пришлось бы всѣхъ видныхъ людей, по меньшей мѣрѣ, отправить на поселеніе. Даже о такомъ глубоко религіозномъ человѣкѣ, отцѣ семи дочерей, мирномъ торговцѣ мукой и овсомъ, соборномъ старостѣ съ медалями на груди, Михаилѣ Степанычѣ Мушкинѣ шопоткомъ говорили, что... Но даже языкъ не выговорить эту гнусность. Къ тому же этотъ уважаемый человѣкъ былъ почителемъ пріюта для малолѣтнихъ.

Говорили о протопопѣ, будто беретъ на себя посредничество по устройству въ приходы и скупаетъ восковые огарки у сельскихъ церковныхъ старостъ, вѣшаетъ на фальшивомъ безменѣ и уже отъ себя сдаетъ на епархіальный заводъ. Говорили про операциі съ соборными суммами, будто бы вѣчно пребывающими въ оборотахъ лабаза отца семи дочерей. Говорили о предѣдателѣ земской управы, проложившемъ шоссе въ собственное имѣніе, куда развѣ только и ѣздить, что за лежцами, на омутъ. Говорили о податномъ, построенномъ изъ балдыгинскаго лѣсу... Изъ какого же лѣсу строиться, если кругомъ только и есть, что балдыгинскій?

— А почему фабричный инспекторъ, вонъ, балдыгинскую харчевую лавку не накрываетъ?

А фабричный инспекторъ потому и не накрывалъ, что даже и не балдыгинская она была, а какъ бы подбалдыгинская: кредитовался и затягивались рабочіе у Фунтикова, а развѣ инспекторъ святой, что можетъ знать всякія торговыя комбинаціи? Фабричная же контора брала на себя только посредничество.

— А почему, вонъ, у казначея породистые гуся заведѣны и курочки плимут-роки?

— Да дѣтей у него крестилъ управитель балдыгинской усадьбы... ну, на крестниковъ!

— Такъ-такъ... А почему крестилъ? Чтобъ артельщиковъ въ казначействѣ не задерживали на ущербъ прочей публикѣ! Ну, а по-вашему почтовое отдѣленіе тоже святое мѣсто?

— Ну, знаете...

— Знаемъ-съ. Вы, вонъ, Акулину Семеновну пощупайте нацотъ этихъ дѣловъ. Почему это, объясните, я васъ прошу, главный булгахтеръ балдыгинскій, какъ сядетъ въ трышку съ Иваномъ Петровичемъ, обязательно ему разъ въ мѣсяцъ, двадцатаго числа, сто съ четвертью пропграетъ?

— Это вы про надзирателя-то? Напрасно-съ. Вотъ ужъ именно на кого могу положиться... Значитъ, вы и врачебный персональ можете заподозрить что вонъ, сказываютъ, волокомъ фабричныхъ съ коекъ тащутъ, чтобы даромъ не валялись?

— А почему главному врачу съ экоиомѣ сливочное масло пудами да разныхъ тамъ рапжерейныхъ штукъ не по сезону доставляютъ? для рабочаго пропитанія?!

— Чтобы Архипъ Антонычъ?! Да онъ моей жемѣ операцию дѣлалъ... святой человѣкъ!

Такіе споры велись только о спорныхъ лицахъ. О прочихъ не спорили, а просто, какъ бы обмѣнивались мыслями.

А. С. Степановъ.
Въ сумеркахъ.

- Усачь-то нашъ опять въ туриэ покатишь.
- Гм... Опять казначею на ренту заказъ будетъ.
- Трактирщика потрясли.
- Да, да... желѣзку словилъ! Везеть Ивану Петровичу.
- Податшixa-то родила! че-орпенъкин... хе-хе-хе...
- Ну, Платонъ Маркычъ! И какъ онъ успѣваетъ!..

Довольно объ этомъ. Это вовсе не достопримѣчательность Луиска, а какъ бы естественное свойство воздуха слабо вентилируемаго и лишенаго озона самодѣятельности. Такъ выразился однажды санитарный врачъ Филоменинъ, дѣлавшій попытки посадить въ городкѣ самоочищеніе посредствомъ взаимнаго обмена мыслей, но не успѣлъ въ этомъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ. Все это вовсе не коренное свойство бѣднаго Луиска, потому что городокъ этотъ сравнительно просвѣщенный, въ которомъ насаждаютъ науку посредствомъ полной женской гимназии и мужской шестиклассной. Это городокъ живой, съ безпокойнымъ фабричнымъ населеніемъ, будящимъ мирный сонъ обывателей. Такъ сказала на выпускномъ актѣ въ женской гимназии устроитель любительскихъ спектаклей, учитель словесности Мухотаевъ, котораго потомъ изводилъ въ клубъ исправникъ, открывшій въ немъ юмориста, равнаго себѣ въ камъ.

Именно, будятъ! Форточку открылъ—тутъ тебѣ и сло-весность!

Городъ Луискъ—городъ достаточно культурный. Довольный приѣмомъ въ замѣтискомъ домѣ-дворцѣ, передъ ликами мраморныхъ статуй, созерцая сквозной фарфоръ, слушая чарующую музыку запрятавшаго на хоры фабричнаго оркестра, недолговѣчный губернаторъ, заблудившійся на охотѣ, сказалъ, расстроганный:

— Вотистипу, это самый культурный изъ моихъ городовъ. Я не говорю о губерніи, конечно, но тамъ... гм... губернія! А тутъ...—топко продолжалъ онъ, всматриваясь въ пагую Диану и проливая вязки ликеръ на коверъ,—чудесно. Только вотъ мостовыя немпожко... И какъ пріятно, что изъ этой глуши, изъ лѣсныхъ и болотныхъ угловъ... тянутся нити туда, въ центръ организма... Насъ связываетъ милая, несравненная Иша Прохоровна!

Онъ говорилъ о единственной дочери Прохора Никоньча, недавно вышедшей замужъ за товарища министра...

И в. Ш м е л е в ъ.

